

ВО СНЕ И НАЯВУ

Т.В.СНЕГИРЕВА

ПРЕАМБУЛА, В КОТОРОЙ ТЕРЗАЕМЫЙ СОМНЕНИЯМИ АВТОР ДОНОСИТ ИХ ДО ЧИТАТЕЛЯ

В этой истории немало такого, что рационально настроенному разуму может показаться вымыслом, если не чушью, тем более, что и сам автор не находит всему происшедшему исчерпывающего объяснения. Но даже если тот ряд совпадений, о которых дальше пойдет речь, отнести просто к игре субъективного воображения, то и тогда один из главных выводов, ради которых пишется эта статья, не пострадает. А сводится он к мысли, что в процессе психотерапии пациент, т.е. человек терпящий, и психотерапевт (все тот же терпящий человек) работают друг в друге всем своим опытом, в совместном искании, добывая крупинцы духовного знания. И диалог, который они ведут между собой в ходе работы, продолжается за временными и пространственными рамками собственно психотерапии, оставаясь, тем не менее, связанным с нею и возвращаясь в ее же лоно.

Продвижение по пути не только профессионального, но личного опыта и духовного постижения – захватывающий сюжет. Ради этой цели пришлось раздвинуть границы жанра научной публикации, хотя автор понимает, насколько тем самым он становится уязвимым для критики.

Текст статьи четко разделяется на две части. Первая посвящена особенностям психотерапевтического процесса в рамках конкретного клинического случая. Вторая – событиям, которые произошли, когда в работе с пациенткой уже можно было ставить точку. При трезвом взгляде одно к другому никакого отношения не имеет – «трезвый» взгляд вообще склонен оценивать многое из того, что с нами происходит, как случайность, не заслуживающую внимания. Но оказывается, не очень зна-

чительные сами по себе события могут обладать незримой, не торопящейся раскрываться глубокой внутренней стороной, которой определяется смысл и подлинная значимость происходящего.

В случае, о котором пойдет речь, озадачивала, прежде всего, синхронность, с которой сюжет из жизни самого терапевта воспроизводил терапевтический, совпадая с ним не только во времени, на что указывает самый термин «синхронный», но еще и близостью к «тексту» событий. До сих пор нет уверенности в том, что пережитый опыт можно предавать огласке (хотя бы и в узком профессиональном кругу), и что он действительно заслуживает этого (особенно если взглянуть на него наработанным профессиональным взглядом). И если все-таки, вопреки сомнениям, статья написана, то лишь благодаря состоянию озадаченности, которое, как тяжелое бремя, требуя разрешения, до самого конца не прекращало своей упорной работы. И настала минута, когда, совершив обращение, пережитый терапевтом опыт вернулся к тому, с чего начался, т.е. к исходному клиническому случаю.

ПАЦИЕНТ

Двенадцатилетнюю девочку, назовем ее Настей, привели в консультацию с симптомом страха. В истоках симптома – реальное событие, воспоминание о котором преследовало пациентку уже более полугода. Виновник события – домашний кот, взятый в дом почти с рождения и любовно выпестованный девочкой. Мирное, ручное – «Пуся» – животное, для которого его маленькая хозяйка замещала собой весь мир, да, собственно, и была этим самым миром. Надо ли говорить, что отношения отличались взаимностью.

В один из сентябрьских дней семья Насти отправилась на дачу, взяв с собой на правах своего законного члена и кота. На даче, как обычно бывает, каждый был занят каким-то делом, когда раздался крик матери Насти (в дальнейшем – Л.Н.): «Дочка, спасай!» Настя кинулась на крик и увидела, что ее прирученное сокровище, не ведавшее опасностей, которыми переполнена реальная жизнь, вот-вот станет жертвой крепкого, бывалого деревенского кота. Не размышляя ни секунды, с той самоотверженной отвагой, в которой, как видно, она проявилась вся, девочка бросилась своему питомцу на помощь. Вырвав его из горячки назревающей потасовки, спасительница понеслась вглубь сада – на слабеющих от страха ногах, падая и кое-как поднимаясь... У порога «хозблока», где Настя была намерена укрыться вместе с котом, она упала в последний раз. И тогда это преданное существо, не ведая, что творит, прошлось когтями по ее лицу. Местный доктор наскоро наложил на рану швы. Когда швы сняли, на лице остался шрам. И не только на лице, но и в душе.

«Нам советуют его усыпить», – сказала при встрече Л.Н. и пояснила: «Его уже оперировали, чтобы пресечь вспышки агрессивности, но страх

все равно не проходит. Мы – в растерянности, усыплять или не усыплять...» – «Зачем?» – с избыточными, по более поздней оценке, напором и торопливостью воскликнула я: «Зачем вашей дочери жить с чувством, что она одолела свой страх лишь ценой физического устранения любимого существа?» То есть дорогой, слишком дорогой ценой!

Возвращаясь к дачному эпизоду, нельзя не отметить, что ситуация содержит в себе нечто фатальное. Девочка в окружении любящих взрослых спасает своего питомца, словно в целом свете – только он и она, да еще – злобный монстр, который, как казалось Насте, преследует их по пятам. Отец и старший брат с самого начала событий находятся рядом, в двух шагах от происходящего, но их как бы нет, ни жестом, ни словом они не дают о себе знать. Страх приобретает характер цепной реакции. Он парализует мать, мгновенно передается дочери, затем охватывает кота, так что тот впадает в безумие. Потом страх затаивается в душах всех членов семьи, как бы поселяется в самых стенах дома, и снова возвращается к Насте.

Понятно, что подлинные корни страха не связаны с его непосредственным «источником», и искать их надо совсем в другом месте. Скорее всего – в скрытых пластах семейного прошлого. И действительно, как показало последующее изучение истории семьи, ее глубоких культурно-исторических корней, там находится достаточно оснований, чтобы каждое новое поколение с большей или меньшей силой переживало эту глубинную эмоцию как чувство, которое являлось из «ниоткуда», но наследовалось и передавалось потомкам, не только мешая, но и помогая им выживать.

Слушая яркие подробности переполненного напряжением ключевого эпизода этой истории, я слабо ощутила, что в самом ходе развития событий, вернее, в их тонкой смысловой подоплеке существует некий сбой – какая-то ошибка, заблуждение. Нащупывая его, я смутно представила происходящее (точнее, происходящее смутно представилось мне) в виде древней феерии, где в противоборстве сошлись силы добра и зла, и в действие вступили изначальные понятия бытия – Отвага и Страх, Любовь и Боль, Обладание и Независимость, Самоотверженность и Трезвость... За считанные секунды акт спасения обернулся страданием. И поворотная точка, некий ключевой момент, – здесь, в этом скрытом смысловом слое, составляющем подоплеку эпизода.

Эти предварительные размышления определили методы терапевтической работы.

В качестве основной была использована методика ценностного выбора, предложенная Ф.Е.Василиюком в рамках разрабатываемой им психотехники жизненных миров. Данное предпочтение обусловлено не только соблазном сразу же, по свежим следам опробовать технику, возможности которой прорабатывались в это время в творческой мастерской автора, но, главным образом, – самой природой симптома,

находящейся, по моим представлениям, в точном соответствии с духом методики. Как известно, в основе навязчивого страха лежит ослабление способности человека к выбору, ибо функция контроля над своей внутренней жизнью в данном случае «поглощена», «парализована» доминирующим переживанием страха. «Упражнение» в выборе, как ожидалось, должно сместить, по принципу смены «фигуры» и «фона», отношение между аффектом и всем тем, что составляет здоровую полноту жизни в неповторимом двенадцатилетнем возрасте. Кроме того, ценностный выбор – это нередко выбор между некой сущностью и тем, что ее подменяет. В этом смысле метод точно соответствовал случаю, ибо позволял работать одновременно как с актуальными установками пациентки, которые служили «пружинами» драматического события, так и с потенциальными, контур которых интуитивно угадывался в качестве неких смысловых вех в терапевтической развязке случая.

Кроме названной методики, были использованы некоторые бихевиоральные приемы, а также техники НЛП – эта часть работы была непосредственно направлена на преодоление симптома страха. Цель – диссоциация с аффектом, снижение порога чувствительности к факторам, питающим симптом. Применялись также техники системного семейного подхода (в частности, генограмма, кинетический рисунок семьи). Цель – выявить внутрисемейную подоплеку симптома, функцию, которую он может выполнять в контексте реальных семейных взаимоотношений. Эта часть работы осуществлялась в основном с матерью пациентки. Л.Н. выступала в каком-то смысле со-клиентом, а по мере работы все больше становилась для терапевта «агентом», через которого осуществлялась связь с семьей как системой.

Нельзя сказать, что «сценарий» ценностного выбора, ставшего основой терапевтической стратегии, был заведомо выстроен как внутренне последовательная, многоступенчатая логическая схема, завершающаяся заранее определенной целью. Артикулированность решений взрослого ума могла войти в противоречие с душевной целостностью возраста, в котором пребывала наша героиня: в двенадцать лет еще сильна связь с детством. С другой стороны, возраст как раз таков, что сам по себе, по своему назначению, предполагает выбор: отбрасывая все стороннее, случайное, подросток устремляется навстречу собственной идентичности. Тактика терапевта по ходу работы должна была сбалансировать обе эти тенденции.

Наиболее уязвимой категорией, которая подлежала «развенчанию» (здесь сильнее всего проявлялся страх, отсюда открывался и путь к его преодолению), была, как мне казалось, категория Обладания любимым существом, или Присвоения, выдающего себя за Любовь, но прежде чем приблизиться к этой коренной проблеме, предстояло преодолеть одну не очень существенную, но тем не менее обязательную ступеньку.

«Разоблачение» страха предполагало перестройку некоторых исходных отношений девочки (как и ее мамы) – взамен катастрофических красок и оттенков, в которых по-прежнему воспринимался дачный эпизод, должна была выступить его элементарная прозаическая, даже комическая суть, требующая самой простой адаптации, которой участники истории почему-то оказались лишены.

Поэтому целью самого первого терапевтического шага являлось расширение адаптационного репертуара нашей героини. Предстояло вернуться к тому поворотному моменту злополучного дня, когда еще ничего решающего не произошло и в воздухе едва застыл мамин крик: «Дочка, спасай!» Перед лицом этого момента было теперь две Насти – та, прежняя (и выбор, который предпочла и пережила она, нам известен) и другая, для которой ситуация с дерущимися кошками не содержит в себе ничего катастрофического. Предстояло задуматься над тем, что бы такое могла предпринять эта вторая, потенциально возможная Настина ипостась в ответ на мамин призыв. Ну, а настоящая, действительная Настя, как я полагала, – ни та и ни другая. Действительная Настя – стоит перед выбором.

Инструментарий «нового» поведения был крайне незатейлив, но тем самым и важен: ведь невзирая на простоту возможных решений, ничего подобного прежней Насте на ум не пришло. Ни одно из банальнейших «орудийных средств» – ни палка, ни грабли, с помощью которых можно было бы разогнать разгоряченных стычкой котом, ни даже грозный окрик, способный привести их в чувство, востребованы не были. И все это теперь, в терапевтической игре, пришлось кстати. На помощь призывались близкие – отец, брат, находившиеся в двух шагах. В подтексте неявно содержалась мысль, что помогать надо умеючи. Во всех случаях мы с жадностью вкушали радости благополучного исхода событий, такого близкого, такого возможного... Никаких жертв, кот-войка бесславно исчезал в кустах или оба разбегались в стороны... В качестве крайнего, дьявольски искушающего, готового при малейших колебаниях быть отброшенным, рассматривался даже вариант ухода Насти с арены событий. Да, и такая существует немислимо «дерзкая», граничащая с предательством возможность – развернуться и уйти, предоставив событиям возможность развиваться своим ходом, а коту – право жить по законам кошачьей жизни... Но в этот момент героиня истории как-то напряглась и после непродолжительного молчания отрешенно произнесла: «Нет, пожалуй, все-таки я поступила бы так же, как и тогда...» «Как и тогда...», то есть повторила бы свой самоотверженный подвиг и теперь уже – не впопыхах, не безрассудно. Несмотря на то, что впереди ждали страх и боль, боль и страх.

Когда в терапии наступает минута, подобная этой, у меня всегда возникает чувство, что мы приблизились к точке, где сходятся прошлое и будущее. Детская драма не раз еще может повториться – в иных

обстоятельствах, с иными действующими лицами... В сути своей неизменной останется лишь сама проблема (в данном случае – присвоение как подмена любви), пока наша героиня не выстрадает нового ее решения, нового исхода, что одновременно будет означать и новый шаг в ее опыте, а значит – и в развитии души, трудом которой этот шаг был обеспечен. Как видно, в терапии должно быть совершенно некое подобие такого шага.

Перебирая простые способы и средства, позволяющие расширить возможности адаптации пациентки, мы одновременно «рассматривали» и сам симптом – страх, впервые пытаюсь слегка отделиться от него. Это было весьма скрупулезное «изучение» того, в какие минуты возникает страх, что этому предшествует, каковы его физиологические проявления: где в теле и как он возникает, куда направляется, на что похоже его ощущение и т.д. Мы пытались манипулировать чувством страха, стараясь понять, чего он «боится», как и под влиянием чего начинает сужаться, где он гнездится, когда становится чем-то вроде крохотной капли ртути, и пр. Активизация процедуры осознания заглушала переживание страха, что в конечном счете приводило к отделению от него.

Следующая сессия запечатлелась в моей памяти пространной репликой Насти, где она меткими штрихами обрисовывала «личность» своего вышедшего из доверия подопечного:

– Это не обычный кот, а что-то особое... У соседей по даче – собака, настоящая сторожевая. Наши участки разделены сеткой. Пуся – по одну ее сторону, собака – по другую. Она носится вдоль сетки, рычит и злобно лает. Так и разорвала бы Пусю. Другой кот давно бы уже был на дереве, а этот сидит и смотрит. Он мог бы и под сетку пролезть – поиграть. Запросто... У него все природные инстинкты переродились.

– Ты хочешь сказать, что быть защищенным тобой – единственная для него возможность выжить?

Пока Настя вникала в некую скрытую в вопросе каверзность, я «изнутри» прочувствовала всю безысходность жалкого кошачьего положения и почти уже в роли Настинного питомца спросила:

– Ты вообще в каком качестве его воспринимаешь – как существо маленькое и беспомощное или как уже вышедшее из детского возраста, ну, скажем, как сверстника?

– Пожалуй все-таки как сверстника, – колеблясь, ответила Настя и со снисходительно-извиняющей улыбкой добавила:

– Но такого...

– «Такого...», но все-таки как сверстника... А как ты думаешь, хочется сверстнику, чтобы его постоянно спасали? От жизни, от встреч и общения с другими сверстниками, от маленьких или даже больших приключений...

Вот бы у самого кота об этом спросить, кабы он мог ответить! В кошачьей проблеме начинало сквозить нечто хорошо узнаваемое, весьма типическое, общеподростковое.

– Тебе и самой, наверное, знакомо, как это злит, когда малейшая попытка проявить себя, свое самостоятельное начало, стоит лишь ему «проклюнуться», безоговорочно пресекается кем-то со стороны...

Смешно, конечно, мистифицировать переживания бедного, ни о чем не ведавшего животного. Но как удержаться, если в стеклышке кошачьих проблем проступают человеческие? В себе, своей опеке по отношению к питомцу для Насти со всей очевидностью выступали приметы ролей по отношению к ней, а притихшей в сторонке маме, похоже, в коллизиях дочки и ее кота тоже удавалось уловить что-то свое, до боли знакомое. Перефразируя известную поговорку, и от смешного до великого – всего лишь шаг. Где-то к середине встречи мы были готовы к тому, чтобы заглянуть в бездну философской проблемы Любви. Мы почувствовали себя на пороге того, чтобы различить между Любовью к другому как признанием за ним права Быть, и любовью-присвоением, любовью-связыванием как чувством власти над другим, любовью-для-себя, которая лишь выдает себя за подлинную Любовь. Завершение этой нашей встречи в ее подтексте возвращало к предыдущей, споря с решением, которому отдала предпочтение Настя, и вновь ставя ее перед дилеммой.

Разрывая «слияние» пациентки с объектом ее привязанности, в работе с симптомом преследовалась дальнейшая диссоциация с аффектом страха. Здесь применялись широко известные приемы НЛП, суть которых сводится к постепенному и все большему отделению личности от симптома. Эти техники построены на тонких различиях: воспринимает ли пациент «себя в страхе» изнутри ситуации страха, пребывая в ней, или извне, наблюдая себя, «боящегося», со стороны, и все больше удаляясь от этой картины и тем самым психологически – все более отстраняясь от аффекта. Состоянием «невыразимого покоя», легкости и комфорта, с которым «ассоциировалась» пациентка, служило ни с чем не сравнимое по чувству облегчения пробуждение от ночного кошмара и возвращение в реальность, где не существовало повода для страха.

Содержанием следующей сессии должна была вновь стать та смысловая «аура», которой поддерживался страх. Казалось небезполезным «вернуть» Насте некоторые фрагменты ее же «текста», прозвучавшие в момент наших встреч, но – слегка в ином свете, придав им новое, неожиданное для нее значение.

– Когда в прошлый раз ты говорила о Пусе – помнишь? – в твоём голосе явственно слышалась нота снисходительности. Но если она оправдана, то, мне кажется, такого кота невозможно бояться!

– А я и не боялась. Даже в больнице, где мне накладывали швы, я совершенно его не боялась. Я стала бояться, когда после всего вернулась домой...

Понятно, ощутила страх, который витал в стенах дома, переживался всеми его обитателями. Когда мы возобновили поиск «слабых мест», приведших банальный эпизод к трагической развязке, именно

заразительность страха выступила для нас на первое место. Если уж его эпидемия отраженно коснулась всех членов семьи, то он не мог миновать и кота, включившегося в эту цепочку в самый напряженный момент, – животные отлавливают чужие эмоции лучше людей. И когда этот момент был зафиксирован, то с необходимостью возник еще один коренной вопрос, к которому мы неспешно подбирались, – опять же из области вечных и философских: кто в пережитой истории жертва?

Одна – очевидная – сидела передо мной с маленьким пикантным шрамом на крутом, исполненном прелести изгибе девичьей скулы. Другая – не столь очевидная, поскольку одновременно все еще выступала в роли хотя и слабого, но непредсказуемого в своей агрессии существа, сидела где-то на подоконнике городской квартиры, дремотно глядя на окружающий мир сквозь твердую прозрачность оконного стекла. Снова – выбор и борьба чувств: злодей или жертва, устранить его прочь из жизни – или понять и пожалеть?

И мы подошли совсем близко к тому, чтобы простить бедняге его невольное зло – не просто забыть зло, а как бы встать над ним высоко-высоко и потом уже, само собой, простить, а затем уже и полностью предать это зло забвению. И сделать это было совсем не трудно, потому что к этому моменту страх заметно истаял, так что даже вспоминать и говорить о нем становилось все неприятнее.

Когда почва начала уходить «из-под ног» симптома, терапевт, в порядке домашнего задания, выдвинул перед пациенткой требование «бояться как можно больше и чаще, чтобы наблюдать и изучать реакцию страха». Однажды, решив проверить, как выполняется домашнее задание, терапевт выразил недовольство тем, что пациентка «ленится». И та смущенно призналась, что выполнить задание не удастся, так как страх «не вызывается».

Пусть читатель простит мне невольный схематизм изложения. Последнее объясняется тем, что то главное, что является темой статьи, все еще остается далеко впереди. На самом деле, конечно, от встречи к встрече мы продвигались не столь уж легко и беспрепятственно, а преодолевая неизбежное сопротивление, хотя по мере нашего движения и оно уменьшалось вместе со страхом.

Не упомянутой осталась еще одна техника, к которой терапевт в данном случае не собирался прибегать. Имеется в виду анализ сновидений. Девочка видела сны и, конечно, они должны были «всплыть» в процессе терапии. И они «всплыли». Сидящая чуть в стороне в течение всего хода работы мама Насти, молча получающая и перерабатывающая свою дозу терапии, в какую-то благословенную минуту вдруг тихо подала голос, окликнув дочку: «Настя, Настя, расскажи сон». Так терапевтический процесс пришел в соприкосновение с работой, где терапевтом была душа девочки, ее бессознательное. Что лежит в основе такого соприкосновения, – не скрою, потрясшего меня точностью

совпадений, – я и сама еще до конца не понимаю. Можно сказать, что с этого момента мы подошли к основному содержанию статьи, к тому, ради чего она пишется. Ибо с этого момента в психотерапевтическом процессе и образовалось общее «сновидящее тело», как этот феномен называет А.Минделл (1993), «пространство» не просто психотерапевтического, но и духовного контакта терапевта и пациента.

Сон № 4:

«Я стояла на пороге дома у нас на даче и собиралась войти вовнутрь. Вдруг я увидела, что какой-то серый кот сидит на газоне напротив Пуси. Они дико выли друг на друга. Неподалеку неподвижно стояли мама и папа. Почему-то во сне я не кинулась спасать своего кота. Был такой же, довольно прохладный, но солнечный день, как и тот сентябрьский. Со словами: «Мама, я правда не буду его трогать, я ухожу, даже не буду смотреть, только будь спокойна!» – я вошла в дом и поднялась на второй этаж. Поднимаясь вверх по лестнице, я как будто забыла все, что только что происходило, и спокойно занялась своими делами».

Оставим в стороне очевидное: невольные разоблачения, которые происходят в этом сне. «Успокойся!», адресованное маме, вновь ясно указывает на семейную подоплеку в развитии симптома, что подтверждается и усилением обещаний: «ухожу», «не буду трогать», «не буду даже смотреть»... Как известно, подлинный язык сна – язык символов, и самые важные психологические содержания таятся здесь.

Поскольку моя юная пациентка сталкивалась с задачей интерпретации снов практически впервые, роль терапевта была активнее, чем ее. Надо сказать, здесь вновь встает проблема преждевременности опыта, нарушающего природную неискренность отроческой души. Все же я сочла возможным подсказать девочке, что дом во сне – это и есть как бы она сама, ее внутренний мир, и тогда второй, «верхний», этаж – не что иное, как ее сознание, ум...

Но известно, что раскрыть значение образов сна – еще не означает добраться до его смысла. Смысл сна откроется, когда мы поймем то сообщение, которое он посылает. На прочтение иных сообщений уходят целые годы жизни, пока символы сна полностью не исчерпают себя в опыте. Как быть на этот раз? Но сообщение, которое содержалось в этом сне, мы уже «проходили», т.е. значение его символов и в самом деле исчерпало себя в опыте. Более того, сон подтверждал, что мы шли верным путем. Сказав маме утешительные слова, Настя в своем сне «вошла в дом» – отделилась, осталась сама с собой и – сама собой. «Поднялась по лестнице» – стала над ситуацией, возвысилась над ней, взглянула на все происходящее «сверху», разумно, аналитично, уже не так завися от нее и переживаемых страстей. Добралась до своей комнаты на втором этаже, «светелки» – еще одно обращение к рациональному

началу, самоконтролю («светелка»: ум-свет)... И последнее: лестница – символ развития. Душа потрудится, пройдет путь – и страх отойдет, оставит ее. Об этом и говорит сон: «Поднимаясь по лестнице, я как будто бы забыл все, что только что происходило...»

Согласно некоторым авторам, сон зачастую указывает на недостающую «компоненту», своего рода «дыру» в отношениях личности с миром, и более того – подсказывает, как ее восполнить. Бессознательное, пользуясь языком символов, как бы предлагает человеку новое видение его ситуации и заложенной в ней экзистенциальной трудности, подталкивает к новым ценностным предпочтениям. Самое удивительное, что на бессознательном уровне в этом сне происходила примерно та же перестройка представлений, которой на сознательном мы добивались в самой первой процедуре ценностного выбора. Двойное попадание в одну и ту же точку само по себе обладало силой эмоционального воздействия.

Ниже приводятся другие сны, которые Настя видела в связи с переживаемым страхом. Я попросила ее вспомнить все, что запечатлелось в памяти, и описать как можно подробнее. «Домашнее задание» требовало времени. Меж тем наша работа шла своим чередом, придерживаясь взятого направления.

Сон № 1.

«Мы сидим с каким-то человеком в зале (с кем именно, не помню), и вдруг я услышала какой-то царапающий звук. Я вышла в коридор. Подошла к двери ванной комнаты. Из-под щели между полом и дверью была высунута кошачья лапа. Я прижала к двери стул и снова села в кресло. Через несколько минут до моего слуха вновь донесся все тот же царапающий звук. Снова вышла и увидела, что он уже настолько отодвинул стул, что вскоре мог спокойно выйти. Я в ужасе подвинула стул на прежнее место и принесла все тяжелые вещи, положив их на сиденье. После этого он зашипел. Я услышала глухой голос: «Как жалко, опять не успел».

Сон № 2.

«Мы играли с подружкой в ванной комнате. Я закрыла дверь, чтобы кот не пробрался к нам. Но почему-то между стеной и дверью было расстояние, которое невозможно было преодолеть, и из-за этого дверь открывалась. Мы выбежали оттуда и вошли в зал. Но дверь, которая вела туда, сорвалась с петель и упала. Мы побежали в комнату брата – наконец, мне удалось прикрыть дверь, но оторвалась ручка. А кот все так же непонятно смотрел на меня, издавая какой-то рычащий звук».

Сон № 3.

«Мне приснилось, как мы всей семьей сели ужинать. Кот сел рядом со мной. Меня охватывает чувство, что необходимо избавиться от него. И почему-то в следующую секунду мы оказались под столом и там, в полусумраке, я... задушила его. Помню ощущение, когда, смотря на то,

что от него осталось, и все еще испытывая страх, я почувствовала неповторимое спокойствие».

Сон № 5.

«Мы вчетвером сидели в зале. Перед этим я сама выгнала Пусю из дома (просто закрыла перед ним дверь). Но он позвонил... и мы ему открыли. Он «вполз» в комнату, припадая на лапы, как будто упал на колени, и жалобно смотрел на нас, оглядывая всех».

Таковы сны, которые приснились девочке до того, как началась наша работа.

В смысловом «раскодировании» сновидческих образов и тех сообщений, которые в них содержатся, обычно бывает несколько этапов – все большего погружения в их глубину. Эта глубина постигается личным переживанием и, как уже говорилось, в полноте своей изживает себя лишь в жизненном опыте. Бывают сны, которые содержат не одно, а несколько посланий, адресованных разному жизненному времени – ближайшему и отдаленному. Некоторые из снов Насти как раз таковы. Даже в самых первых, наиболее «физиологичных», есть послания более простые, актуальные, и весьма глубокие, обращенные в будущее. Я бы не хотела затрагивать эти самые глубокие слои, куда проникает всеведущее бессознательное. Ограничусь анализом тех смыслов, где ярко обнаруживается так называемая «адаптивная» функция сна. (Согласно гипотезе В.С.Роттенберга (1994), в снах проявляет себя «поисковая активность», направленная на изменение критической ситуации или изменение отношения к ней; такого рода поиск компенсирует тот дефицит возможностей выхода из кризиса, с которым человек сталкивается в период бодрствования.)

Первые два сна полны переживания страха. Страх ползуч. Его невозможно запереть, от него невозможно запереться. Перед ним бессильны самые надежные преграды – двери срываются с петель... (интересно, что методики, направленные непосредственно на преодоление симптома, имеют в виду ту же самую работу – сузить до мельчайших пределов, изолировать чувство страха или, диссоциируясь с ним, отделиться, изолироваться от него). Я недаром назвала эти сны «физиологичными». Страх ползет по семейному обиталищу, как растекается он и телесно.

Но уже в этих снах есть обещание спасения. «Ванная комната» – не только то место, где можно запереть «чудовище» с когтистыми лапами или затвориться от него. Первые ассоциации, которые здесь возникают, – вода, омовение. А следом – изменение, трансмутация, поскольку вода – текучая стихия.

В третьем сне, как и в предыдущем, нетрудно усмотреть и «дневные остатки» и «подавленные желания» (З.Фрейд)... Но есть здесь и план экзистенциального сообщения, которое обладает способностью

передаваться лишь в той мере, в какой человек хочет его получить и стремится открыть его смысл.

«...Вдруг почувствовала, что мне необходимо от него избавиться». «Избавиться» – вот та тема, которая, на фоне страха, с большей или меньшей силой переживаемого всей семьей, «муссировалась» в доме па протяжении длительного времени. Избавление принесло чувство «неповторимого спокойствия». «Еще страх», но уже и одновременно «неповторимое спокойствие» – то и другое ассоциативно сцеплено.

Но само «удушение», похоже, имеет символический, а не буквальный смысл. Под столом, за которым собралась вся семья, в полумраке и замкнутости этого нижнего, скрытого пространства, в «утробе» семьи и в ее недрах, под ее покровом, что-то умерло, что по-настоящему так и не успело родиться, стать, состояться... Бедный, бедный «осчастливленный» кот! Этого точного, хотя и, пожалуй, несколько избыточного в своей резкой выразительности образа как раз и не хватало в наших размышлениях о Присвоении как подмене Любви и, главное, – о Жертве.

Наконец, пятый сон, где вновь фигурирует «дверь», которая на этот раз уже «закрывается» без особых препятствий (т.е. страх почти преодолен), и где слышится мольба недавнего «чудовища», который впервые назван своим именем, т.е. Пусей, – о прощении...

Работа близилась к концу, но оставался один вопрос, который возник с самого начала и по-прежнему требовал своего разрешения. К нему подводили данные того минимума диагностических средств, к которым я прибегаю, работая с детьми и семьей. В цветовом тесте Люшера в двух последних по предпочтению выборах, т.е. в значении подавляемой, или отвергаемой, потребности, пациентка соединила первый и седьмой – синий и черный – цвета. Глубокие чувства – привязанности, преданности, взаимопонимания, соединяющие и связывающие людей, воспринимались ею как потенциально опасные, принуждая к независимости в качестве защитного поведения. Конечно, это всего лишь тенденция. Но ее значение возрастало рядом с данными другого теста – кинетического рисунка семьи. Смысл рисунка убеждал, что сфера отношений с другим полом весьма значима для пациентки: близкому мужчине в ее картине мира отводилась важная роль.

В рисунке нашла отражение геометрическая символика, архетипические корни которой, по общему признанию, всеобща и очень глубоки. Изображение членов семьи напоминает здесь конфигурацию так называемого тау-креста, имеющего форму буквы Т. По одному из вариантов толкования, он символизирует равновесие противоположных принципов – духовного (вертикаль) и «мира явлений» (горизонталь), активного и пассивного, мужского и женского.

Вертикаль здесь – «творческий луч» – образует фигура брата (она расположена почти по центру рисунка: брат, выпрямившись и словно вытянувшись вверх, полусидит на ковре перед телевизором, у которого

расположилась вся семья, – с книгой и пультом дистанционного управления); горизонталь – фигурой отца (он с газетой лежит на диване, тоже по центру листа). По законам рисунка, положение сверху и «над» свидетельствует о признании превосходства, об авторитете, но положение «лежа», увы, лишено всякого динамизма. «Авторитет» отца здесь как бы даже чуть «придавливает» порыв сына вверх. А по оба конца этой горизонтальной линии – фигуры матери и дочери (каждая из них сидит в кресле, одна – с книгой, другая – с вязанием в руках). Они расположены с абсолютной симметрией как символ высшего равновесия всей семейной конфигурации, триумфа ее достижений. Но сердцевину, костяк ее составляет, бесспорно, – мужское начало.

Конечно, данные той и другой методик относились к настоящему. Но, учитывая возраст, в который вступала Настя, с самим его названием «переходный», – эти данные невольно начинали восприниматься и в залоге будущего. И, принимая во внимание всю логику нашего движения от встречи к встрече, я представила формулу, которая должна ознаменовать конец работы. Она победно звучала у меня в ушах, что-то вроде: «Любовь победит страх!» (Семантический подвох, в ней затаившийся и позволявший прочитывать фразу как туда, так и обратно, в творческом энтузиазме не был сразу подмечен терапевтом, а меж тем благодаря этому «подвоху» смысл формулы приобретал двусмысленный характер, приходя в состояние неустойчивого колебания.)

...Когда после более чем двухнедельного перерыва мы встретились снова, и терапевт весь внутренне собрался, мысленно нацелившись на свою сакраментальную фразу, Настя опередила: ей не терпелось поделиться подробностями двух новых снов («...болела и, должно быть, от температуры все время что-то снилось»).

Сон № 6.

«Проселочная дорога. И я уже знаю, что на Пусю напала собака. Я это знаю, хотя собаки уже нет. Я подхожу к нему – он, истерзанный, лежит на дороге, в пыли, без движения. Я наклоняюсь и беру его на руки. Мне так его жаль, что я заплакала. Но по мере того, как я плакала и жалела его, и слезы падали на его тело, жизнь возвращалась к нему, он оживал».

Вот оно – любовь побеждает даже самую смерть! Что уж говорить о каком-то страхе... Итак, мы снова совпали.

Сон № 7.

«Комната. В комнате полусумрак. Окна густо занавешены легкой дымчатой тканью. На занавесках тыльной стороной, «рубашкой» раскиданы карты, словно таков рисунок ткани. Но внезапно они приходят в движение, соскальзывают сверху вниз, так и оставаясь нераскрытыми. В комнате сидит женщина. Ее лица я не вижу. Она спрашивает: «Он любит тебя..?» Потом я выхожу и оказываюсь на

морском берегу. Море беспокойно, оно черного цвета. На песок шлепаются мутные волны. Когда они вздымаются вверх, гребешки извиваются, напоминая кошачий силуэт. Мне становится не по себе, я понимаю, что это сон, и хочу проснуться...»

Синий и черный. Итак: на уровне наивных отношений детства – девочки и ее кота – любовь побеждает и страх, и даже самую смерть; что касается более отдаленного будущего, то оно – за густой завесой неизвестности, и карты скользят сверху вниз, так и не выдав своей тайны, и женщина-судьба, не открывая лица, спрашивает, ничего не утверждая, а на песок времени набегают темные волны, будоража и тревожа душу...

Излишне подчеркивать, что сны вторили размышлениям терапевта (или мысль терапевта двигалась в русле снов). Но просто смешно, что в паре этих сновидений как будто бы нашла отражение синтаксическая двуликость терапевтической фразы о любви и страхе: если первый сон говорил о всепобеждающей магии любви, то во втором – преобладало смятение неизвестности, оживал все тот же страх. Возникло чувство, словно, добравшись до конца пути, мы обнаружили, что шли по кругу и вернулись к началу – без малейшего «ущерба» для той глубокой бессознательной подпочвы страха, которая существовала до симптома и, как видно, осталась нетронутой на неизмеримой с ним глубине – по излечении. Вот так «успешный» случай!

И все же, прощаясь с Настей, со всей внушающей силой, на какую только способна, я, в общем-то, не кривя душой, сказала:

– Твой страх прошел. Ты преодолела его почти без посторонней помощи, сама. Мудрая часть твоей души, твоя сущность, которая проявила себя через сны, помогла тебе в этом. Теперь ты знаешь, что она в тебе есть.

Наступило лето. Мы расстались.

НОВЫЕ СОМНЕНИЯ И ВОПРОСЫ

Вопросов, по крайней мере, три. И все они – в разной плоскости:

а) какова же все-таки природа того загадочного параллелизма, в форме которого выступила смысловая взаимосвязь содержательной стратегии терапевта, с одной стороны, и бессознательного пациентки, с другой?

б) что может означать данное совпадение?

в) «открытый конец» в успешной, казалось бы, терапии, заставляющий заглянуть далеко за горизонты симптома, – о чем он говорит и какого требует отношения?

День, когда работа пришла к завершению, оставлял эти вопросы без сколько-нибудь удовлетворительных ответов.

ТЕРАПЕВТ

А теперь – снова вернемся к сюжету. События, о которых далее пойдет речь, развивались, главным образом, за временными рамками

случая, хотя «завязка» их произошла, когда работа еще продолжалась. Так или иначе, эти события можно назвать синхронными по отношению к терапии.

Как известно, понятие синхронности было введено в психологию К.Юнгом. По мнению ученого, каузальный принцип объяснения явлений, характерный для рационального западного мышления, при изучении сферы бессознательного оказывается недостаточным и малопродуктивным. К этому выводу К.Юнга приводило наблюдение «параллельных» психологических явлений, между которыми невозможно установить причинно-следственные зависимости, но которые должны быть поставлены в иную – событийную – связь. Последняя состоит в факте соотносительной одновременности (отсюда и термин «синхронный») и своего рода параллелизма – как бывает в случаях одновременного возникновения идентичных мыслей или состояний у разных людей. Восточная философия называет этот принцип «дао» – «быть вместе», «прийти вместе и одновременно» (Юнг, 1994, с.117). Когда мы сталкиваемся с синхронностью, то должны задаться не обычным для нас вопросом: «почему то и другое произошло одновременно?», а совсем другим – «что означает, что два данных события произошли вместе?»

С этой точки зрения, вопрос «б», сформулированный в предшествующей части статьи, мог бы предполагать, в частности, и такой, пока достаточно общий ответ: «Что удваивается, то и утраивается». И в самом деле – вот какое дальше произошло «утроение».

Как и в описанном выше терапевтическом случае, в истоках сюжета – кошка. Мои внуки купили палево-рыжего персидского котенка. После двух дней радостной возни стало ясно, что перс нездоров. Диагноз подтвердил худшие подозрения: болезнь контагиозна. Словом, «чума» в доме. Несмотря на все меры предосторожности, своевременно начатое лечение и выдержанные сроки «карантина», дети заразились. Однажды, вернувшись с работы, я застаю на пороге дочь с котенком на руках, завернутым в кукольное одеяльце. «Вы куда?» – «Усыплять... Обо всем уже договорились». И в эту минуту где-то глубоко внутри себя я услышала свой голос – «там и тогда», в терапии. Интонация бодрая и уверенная: «Усыплять? Зачем? Разве нет другого выхода?!» Круг замкнулся. Понимаю, что других вариантов решения для меня теперь не существует. Не может быть двух разных этических законов, двух видов внутреннего счета: одного – для терапевтической реальности и для пациента, иного – для жизненной реальности терапевта. И пока думала об этом, уже говорила: «Зачем? Мы уже так много сделали...» – «А вдруг он болен чем-нибудь еще?» – резонно возразила дочь. Кот остался в доме. Хотя дочь попала в точку.

Первая мысль, разумеется, о кармическом воздаянии. Где-то там, в работе с девочкой был допущен какой-то непростительный промах, совершен невидимый грех, бумерангом ударивший по семье терапевта. Но

дети как заболели непонятно, так же непонятно «вдруг» выздоровели. Диагноз врача, поставленный задним числом: ветрянка. Кот, вроде бы, ни при чем. Но поскольку он все еще болел, решено было его изолировать. Я с больным отправилась за город, на дачу.

Томительно тянулись наполненные однообразием скучного подмосковного пребывания дни. Перс, как оказалось, был носителем целых трех тяжелых кошачьих недугов. Но отступить было и «нельзя», и поздно: кот теперь слепо доверял человеку, платя небывалой преданностью за внимание к нему и заботу. Лечебные процедуры стали чем-то вроде обязательного повседневного ритуала.

Построенное на уходе общение не могло не напоминать наше, профессиональное. Но внимание невольно засекало и различия. В чередовании однообразных и обязательных медицинских процедур ощущались медлительные ритмы земли, тяжелая, вязкая их основательность. Лечение каждого заболевания требовало четко обозначенных сроков. Время измерялось парами декад, в лучшем случае – декадами, после чего, согласно предписаниям, процедуры возобновлялись снова: в лечении открывался новый цикл. К борьбе с каждой следующей болезнью нельзя было приступать, не одолев предыдущей. Находясь во власти этого замедленного кружения, я невольно вспоминала свой «успешный случай», общение с девочкой, ее прозрачные сны: казалось, мы легко пронеслись над землей, не чувствуя ее притяжения и касаясь земной тверди лишь затем, чтобы посильнее от нее оттолкнуться. Продолжая думать, что за что-то плачу, я с запоздалой обстоятельностью анализировала каждый свой шаг в процессе работы. Вернувшись к снам, использовала их в необычной функции: в качестве ориентира, или даже критерия, заданного бессознательным пациентом и позволяющего оценить разрешающие возможности и продуктивность использованных психотехнических средств. Это была полезная работа. Но маленькие открытия, которые явились ее результатом, не стоили того, чтобы считаться смыслом Совпадения, и не дарили чувства сбывшихся ожиданий. Да и те умиление и нежность, которые у всех окружающих вызывал с каждым днем все более хорошеющий Перс, все меньше оставляли места для мыслей о справедливости наказующего воздаяния.

Меж тем «ритмы земли» с терпеливым упорством продолжали неуловимо внушать что-то свое, скрытое, что, казалось, вот-вот прорвется сквозь плотные слои реальности.

Пока сказанного достаточно. На время отвлечемся от сюжета, поскольку есть потребность уже сейчас отдать дань анализу изложенных фактов.

РЕФЛЕКСИРУЯ, АВТОР УБЕЖДАЕТСЯ, ЧТО ВСЕ ПРОИСШЕДШЕЕ ИМЕЕТ СТРОГО НАУЧНУЮ ОСНОВУ

В истории описанных совпадений есть, на мой взгляд, ряд решающих моментов. Самый первый, хотя и не самый главный из них, – тот, когда, слушая предысторию возникновения страха пациентки, терапевт увидел самый первый, запустивший все остальные события злополучный эпизод как драму бытийно-этических начал, которая разыгрывается в жизни девочки-подростка, до самозабвения любимой матерью и всей семьей. И тем самым приблизился к каким-то ключевым точкам, где соединяются жизнь как целое и случай как ее отдельное проявление. О том, что задето нечто действительно ключевое, и свидетельствует структурное совпадение «логики» психотехнической проработки симптома и его отражения в снах пациентки. Говоря «ключевое», я полагаю «сущностное» («самое само» – в терминологии А.Ф.Лосева), т.е. касающееся сущности явления, как эта сущность видится изнутри, будучи отраженной в себе самой. Реальное явление при этом пребывает тут же, рядом, предоставляя нам возможность понять, какая происходит подмена, что выступает вместо сущности и где, следовательно, скрывается экзистенциальная слабость пациента.

Напомним, что сам феномен синхронности психических явлений не требует причинно-следственного объяснения. Достаточно понять, что означает, что два разных события или разных психических явления случились вместе. И двигаясь как бы по спирали, мы будем предпринимать все новую и новую попытку ответить на этот вопрос.

Что касается психологических предпосылок того главного попадания в точку, без которого никаких дальнейших совпадений просто не случилось бы, то размышление о них требует предварительных оговорок. Поскольку речь идет о единичном факте в широчайшем поле явлений душевной жизни, то его легко списать на счет чистой случайности, как недостоверный и малозначащий. Но если, будучи последовательными, и здесь отказаться от причинно-следственной трактовки и, проигнорировав единичность, описать интересующий нас факт как «случайную величину без всякой апелляции к тому, чем она вызвана», а просто «в спонтанном ее выражении» (Налимов, 1995), процессуально (Минделл, 1993), то, даже оставаясь единичным и случайным, он может стать вполне достойным предметом для заинтересованного рассмотрения.

А.Минделл одну из своих известных работ начинает со слов: «Идея взаимосвязи между сновидениями и жизнью нашего тела вызрела во мне долгие годы» (*там же*, с.118). Под «жизнью тела» автор имеет в виду телесные симптомы и телесные сигналы, которые, будучи едва различимыми, при условии их усиления и амплификации, могут стать настоящим ключом к смыслу. Все – и дух, и душа – имеет свое телесное представительство. Следуя рассуждению творца процессуальной психотерапии, нетрудно предположить, что те же взаимосвязи могут существовать между «сновидениями» и жизнью нашего сознания, что с особой очевидностью проявляется в его так называемых «измененных

состояниях». В том, к чему я веду, есть, конечно, одно существенное «но», ставящее под сомнение правомерность проводимых аналогий с принципами процессуальной психотерапии: говоря о «жизни тела», А.Минделл, хотя и употребляет при этом местоимение «наше», но имеет в виду «тело» пациента как ключ к его же, пациента, смыслу. Мы же, говоря о «жизни нашего сознания», имеем в виду сознание прежде всего самого терапевта, которое становится для него объектом пристального наблюдения, хотя материал сознания почти полностью относится к пациенту (даже смыслы, хотя и носят общечеловеческий характер, но, претворяясь со своими неповторимыми особенностями в жизни пациента, также становятся принадлежащими ему). Остальное – «процессуальность», «амплификация» и пр. – остается верным «букве» данной теории.

Когда по окончании рабочей встречи перебираешь в памяти те и другие значимые ее подробности, упираешься в какие-то тупики, где тайна человека не спешит раскрываться, и, движимый интересом к этой тайне как тайне человека вообще, а главным образом – участием, экзистенциальной причастностью к этой тайне, вновь перебираешь пеструю мозаику первых «сырых» впечатлений, – что в этот момент происходит? А происходит – по характеру процесса – чистейшая медитация (созерцание, погружение), которую можно определить как медитацию над психологическим опытом, в процессе которой достигается непосредственное слияние с ним.

Доверяясь интуиции, откуда-то из «позвонков» извлекаешь осевшие там едва ощутимые знаки; выражение лица пациента, его мимолетный взгляд, имя, так совпадающее с обликом, рисунок движений, темп речи и интонацию, слова, обрывки фраз, улыбку или плач, в определенном месте беседы – внезапное дрожание губ, смену звучания голоса, снова фразу и т.д. и т.п. Сознание нередко проскальзывает мимо этих сигналов, пренебрегая ими и придавая им запоздалое значение лишь тогда, когда они получают очевидное подтверждение в реальных событиях жизни и терапии.

Погружение в эту слабо ощутимую реальность, собирание, сознание ее – уже само по себе является ее амплификацией.

Ноги, руки, тело терапевта в это время могут автоматически совершать свою привычную прозаическую работу, помогая ему преодолеть дорогу к дому, выстоять в очереди или дома у раковины за мытьем посуды (вода – уникальный передатчик информации) и т.д. и т.п., но – подарок рутины! – душа, «внутренний» человек будет плыть в этом медитативном «сне» куда нужно, требуется лишь слегка отпустить сознание и не мешать внутренним событиям идти своим чередом. И как в ночных снах, в действие вступает бессознательное, подспудно совершая свою латентную работу, выстраивая, структурируя медитативный материал – по онтологическим, а не логическим законам. И откуда-то из

глубин этого «сна» приходит догадка, как внезапное отчетливое прозрение экзистенции пациента. Возникшая гипотеза проверяется аналитически уже в ходе самого психотерапевтического процесса, где и корректируется самим его ходом.

Конечно, терапевт должен контролировать себя на предмет контрпереноса как особого случая проекции, при котором субъективные содержания терапевта переносятся на «объект», т.е. на пациента. Возможно ли такое? Конечно, возможно, ибо там, где терапевт «бессознателен», он так же может совершать проекции, как и пациент. Но для того, чтобы контрперенос возник, необходимо по крайней мере два условия: 1) психические содержания, проецируемые пациентом на терапевта, должны затрагивать сферу лично значимого для последнего; 2) адаптация терапевта должна страдать теми же самыми «дырами», той же экзистенциальной несостоятельностью, что и адаптация пациента. При наличии этих условий пациент и психотерапевт способны погрузиться в один и тот же, общий «провал бессознательного» (Юнг, 1995). Поэтому и существует хорошо известный постулат, предусматривающий обязательность терапевтического анализа для терапевта. Эта тема заслуживает отдельного обсуждения. А пока, памятуя об опасностях контрпереноса, в противовес ему напомним об одной особенности психотерапии, которую не уставал подчеркивать К.Роджерс. Работая с пациентом, говорил он, терапевт участвует в этом всей своей личностью, всей целостностью своего опыта в аспектах его и настоящего и прошлого. Может быть, прошлого прежде всего, поскольку оно уже не есть бытие в собственном смысле слова, так как события, изжив себя, предстают теперь эссенциально, т.е. сущностно, в форме символов и смыслов.

Мы отвлеклись и ушли далеко в сторону от психологии синхронности. Между тем, остается вопрос, что же означает само то обстоятельство, что продукты внутренней работы терапевта, с одной стороны, и пациента, с другой, «случились» вместе, сошлись в параллелизме их содержаний. А то и означает, что сознательная объективация образов, в принципе, способна без преград и барьеров встретиться с образами бессознательного, напрямую открывая для себя и прочитывая их смысл. Но пользоваться этим совпадением, в свою очередь, надо как символом, имеющим личностный смысл.

Второй поворотный момент – когда события перенеслись на домашнюю почву терапевта (по А.Минделлу, включился «канал мира», но это лишь новый термин, а по сути – все та же синхронность). Решения, для которых в психотерапевтической ситуации был свой резон, внезапно приобрели новую остроту, хотя в домашней ситуации, сравнительно с терапевтической, при желании можно было найти свои, несколько иного порядка и достаточно весомые «резоны». Иначе говоря, в зависимости от

взгляда на вещи, события могли восприниматься и как связанные, и как не связанные между собой. Но автор увидел связь.

Когда задаешься знакомым уже вопросом, что означает, что то и другое – там кот, ребенок и опасность и здесь – котенок, дети и опасность, там – «усыплять?» и здесь «усыплять!» – случились вместе, то вспоминается сюжет из русской народной сказки. Сестрица в поисках пропавшего брата спрашивает о нем печку (яблоню, реку), не видала ли, а та отвечает: «Съешь моего ржаного пирожка, скажу»... И от того, побрезгует ли сестрица простым пирожком, да еще – поблагодарит ли печку, зависят все дальнейшие исходы. Словом, особенность означенного выше момента – в том, что он принуждает к выбору.

В мировой мифологии вся философская глубина такого рода минут находит отражение в магическом образе змея Уроборуса, свернувшегося в круг и заглотнувшего свой хвост, – символ времени и завершения некоего цикла. Что-то одно кончилось, что-то новое началось... Одна половина змея – белая, другая – черная, что, в частности, говорит об амбивалентности момента и борьбе противоположных начал – пассивного и активного, «светлого» и «темного»... К этому образу завершения круга, не раз возникавшему в моих ощущениях на протяжении данной истории, мы еще вернемся.

И вот решение принято. «Пирожок» съеден... Ход событий определен. Дальше, как известно, началось «выхаживание» очень симпатичного и очень больного существа – нечто, что предполагает истечение энергии и напоминает по своему характеру психотерапию. Затем – неизбежное возвращение к еще свежему в памяти «успешному случаю» и поиску в нем невидимого «греха»... Неизбежное, ибо в ситуации, где задано некое «искомое» (за что, почему, зачем, что означает и прочие вопросы, которыми обычно и озадачивает загадочность, таящаяся в факте мистических совпадений), иного сколько-нибудь отчетливого «предмета постижения» не содержалось. Некое неизвестное – «X» – напряженно присутствовало рядом... Но «успешный случай» оказался всего лишь временной его подменой.

В свое время, изучая проективные рисунки детей, я, каждый раз заново удивляясь, переживала одно и то же впечатление: мне казалось, что заложенный в рисунках смысл, отражая экзистенцию их авторов, не просто проявляется в образах, но целенаправленно осуществляет себя, используя все многообразие возможностей, заложенных в изобразительном языке – не только в красках и формах, но и в самом пространстве листа. Если бы не этот предшествующий опыт, я бы, наверное, не сумела заметить, как смысл «использует» пространственное и временное измерения (т.е. протяженность и длительность) в качестве своего языка. Поскольку время – более чем просто тонкое измерение, необходимо усиление, чтобы оно стало акцентом смысла. Заимствую это понятие у А.Минделла, хотя и не в точном, а по необходимости

расширительном значении. В том же не буквальном, а лишь по смыслу совпадающем значении, может быть использован термин сгущения, которым пользовался З.Фрейд в анализе сновидений, имея в виду слияние различных содержаний в одно составное (1989).

Попробуем под этим углом зрения рассмотреть тот «решающий момент», когда события перенеслись на домашнюю почву терапевта. Легко отметить факт эскалации физического пространства: события повторились в новых условиях, на новой территории, отчего их содержательная сторона буквально «сгустилась». Непосредственная последовательность во времени терапевтического и домашнего сюжетов как бы выпячивала их связь. Но сказать так значит не сказать ничего. Время словно совершило петлю, обратившись вспять, чтобы тут же вернуться, затянув петлю в узелок. «Там и тогда в терапии», с одной стороны, «здесь и теперь, дома», с другой, сблизилась, слилась, уплотнилась. Это ли не усиление? И, как всегда при усилении, начинает проступать смысл, еще не явно, обманчиво, дразняще и настораживающе. Ситуация стала восприниматься в качестве триггера: в ней были заданы неизвестное – искомый «X» – и само искание, постижение смысла.

Наконец, выше было подробно описано то воздействие, которое производил ритм выхаживания, – его повторы, циклические круги, вращение, спиралевидные переходы... Здесь, кажется, само время внутри себя, своего собственного языка, стало смыслом. И так ли уж удивительно, что, наконец, наступила минута, когда тонкий, невесомый, эфемерный, но, тем не менее, вполне отчетливый смысл – пройденности опыта и нового начала в нем – проступил сквозь плотные материальные слои, всецело открывшись в своей законченности и оттеснив все ложное, что выступало вместо него.

Чтобы не оставлять читателя в состоянии полного недоумения и озадаченности, придется сделать одно признание, без которого в содержании статьи образовался бы невосполнимый провал. Так уж получается, что мы снова должны вернуться к теме сновидений.

ВЫНУЖДЕННОЕ ОТКРОВЕНИЕ О ТОМ, КАК АВТОР ОБРЕТАЛ ЗНАНИЕ

Года три назад, на переломе от зимы к лету автору привиделся ряд связанных между собой снов. В одном из них перед взором возник светящийся экран, на котором была изображена строчка символов (слово «сон» в данном случае не вполне точно, поскольку речь идет о том просоночном состоянии, когда одновременно с активностью бессознательного, показывающего сновидцу свои «картины», полностью сохраняется контроль сознания и человек способен отдавать себе отчет в том, что он видит, и даже испытывать по отношению к увиденному определенные чувства). То, что «показывал» экран, носило явно архетипический характер. Строка включала в себя две пары числовых

сочетаний, первое из которых было резко черного, второе – сияюще белого цвета. Середина ряда отмечена символом *stauros'a*, или тау-креста, отделяющего числовые сочетания одно от другого, конец – изображением женского лица с плотно сомкнутыми веками (фрейдовское понятие «сгущения», как стало ясно позже, проявилось здесь в чистом, классическом варианте). Весь экран был наполнен переливающейся плазмой света.

Символика такого рода «снов» всегда несколько опережает наши познания, будоража ум приближенностью к какому-то важному и находящемуся совсем рядом открытию. Немало времени ушло на постижение вечных и универсальных значений этого символического языка, а главное – связи этих значений с субъективным опытом, смысла отнесенности универсального – к личному. В сочетании черного и белого угадывалась дилемма тьмы и света, ложного и истинного, временного и вечного. Тау-крест подчеркивал момент выбора, напоминая, что толчок к выбору дается импульсом высшей активности. Некий «извещающий» смысл обнаруживался и в числовых сочетаниях – он все время уточнялся и расширялся, по мере того как проживаемая экзистенция вносила в него свои коррективы, и обогащались интерпретативные возможности автора. Правда, надо признать, внутреннее чувство не переставало подсказывать, что все найденные значения – промежуточного свойства, не окончательны, что все это – «не То». И только женский лик в конце строки все еще сохранял свою безмолвную тайну.

Однажды я решила воспользоваться приемом, к которому нередко прибегаю в работе со снами пациентов, – попыталась нарисовать это лицо, добиваясь все большего сходства с оригиналом. И когда цель была достигнута, закрыла глаза, как указывал символ, и сразу же поняла, что это лицо человека, обращенного внутренним взором в такие глубины своей души, где личные горизонты смыкаются с границами надличностной духовности.

Этот момент я оцениваю сейчас едва ли как не самый важный, с методической точки зрения. В теории сновидений этой фазе их толкования – фазе некоего физического действия, осуществляемого по следам сна, в юнгианской школе придается решающее значение. Считается, что именно действие – та составляющая, которая позволяет интегрировать содержание сна в сознательную жизнь сновидца. Я полагаю, что поэтапно сменяющиеся лечебные процедуры, о которых уже так много сказано в этой статье, также невольно послужили такого рода практическим деянием. И настал миг, когда сознание соединило по координатам и пространственной, и временной протяженности совершенно, казалось бы, разрозненные фрагменты личного опыта – решающего значения, принуждающие к выбору реальные события, «сны», исполненные все того же выбора факты душевной жизни... Словно раздался щелчок или соединились проводки под током. Мгновенное и безошибочное, открылось понимание. Удивляющее чувство энергичного

контакта и отстраненное – что все это происходит не с тобой. Вновь – ощущение замкнувшегося смыслового круга; все соединилось в одну, без прорех и пробоев, исполненную достоверного смысла целостность. И такая ясность (вот когда четко чувствуешь разницу между знанием и мнением)! Основу этого навеянного ритмами времени и действий открытия составляла идея завершения некоего цикла жизни или духовной биографии.

Как я поняла позже, истинные символы – язык прежде всего духовной реальности. Но человек прочитывает в них те содержания, к которым на разных этапах жизни обращен в необъятности своего психологического опыта. Хорошо известно, что число как таковое выступает не только в своем арифметическом значении. Это особый язык, к которому в древности прибегали, передавая с его помощью сокровенное знание. Весть, которую они несут, может быть адресована к разным планам человеческой экзистенции. Они могут указывать наступление значимых для человека событий на уровне фактическом, событийном (встречи и расставания, болезни и выздоровления, рождения и смерти), или в измерениях душевной жизни (выбор, завершение – что-то кончилось и что-то началось) и духовного опыта, его этапов, и, наконец, – обращения духовных знаний, т.е. их воплощения в жизни.

А на психологическом языке все описанное выше – не более чем совпадение, «синхрония». У К.Юнга мы находим строки, которые позволяют перевести пережитые события из разряда субъективных «мистических видений» (мало ли что может привидеться в ленивой дачной созерцательности!) в факт научного знания. «Поскольку бессознательное есть духовная матрица, – пишет он, – оно по своей природе является творящим началом. ...Формы бессознательного не принадлежат никакому определенному времени, т.е., очевидно, вечны, и потому дают ощущение вневременности» (1994, с.317). Далее К.Юнг приводит пример одного из австралийских слов, которое одновременно сочетает в себе три значения: «сновидение», «страна духов» и «время»... В русском языке, увы, подобного слова нет, и поэтому приходится писать утомительно-длинные тексты.

ПОЛУЧЕННЫЙ ОПЫТ ВОССОЕДИНЯЕТСЯ С КЛИНИЧЕСКИМ СЛУЧАЕМ

Кажется, настал момент, когда автор почувствовал себя достаточно созревшим, чтобы привести случай страха, переживаемого девочкой-подростком, к завершению.

Вспоминая самое первое совпадение – терапевтического и сновидческого «сценариев» – зададимся в который уже раз знакомым вопросом, вытекающим из специфики самого феномена «синхронности» и его природы: «Что означает, что эти два события, каждое из которых для двух его участников было внутренним и внешним по отношению к

другому, случились одновременно?» Ответ, как это видится теперь, сочетает два противоречивых момента. Одна из лежащих на поверхности гипотез напрашивается как бы сама собой: факт зеркального совпадения «продуктов» внутренней активности психотерапевта и пациента может говорить о полном равноправии того и другого в их партнерстве – не только о равенстве «вкладов» той и другой стороны в основание терапевтической работы, но и о глубокой внутренней подоплеке подобного равенства.

В нашем интуитивном восприятии личности другого мы нередко прозреваем ту скрытую, иррациональную, «метафизическую» сторону, где человек всегда глубже и непостижимее своего эмпирического социального воплощения. Там он не столько дан, сколько задан, и находится в состоянии вечного приближения к заданной целостности, к верховному замыслу своей личности. Подобную скрытую мистическую сторону в человеке одни называют «метафизическим центром», «духовным ядром», другие – «подлинной частью» личности, «сущностью», третьи – «духовным Я», четвертые ... – перечень может быть продолжен, но как бы ее ни называть, в личности терапевта эта сторона выступает единственным адекватным эквивалентом личности пациента. В этом духовном «ядре» и дает о себе знать принципиальное равенство между терапевтом и пациентом. Более того, они не просто равны, но составляют как раз то самое единство, когда излишне задаваться вопросом, чья эта боль, с которой ты как терапевт работаешь. Она – твоя: помогая другому, ты помогаешь себе.

С другой стороны, невозможно не учитывать, что в акте партнерского сотворчества встречаются умудренный опытом взрослый, терапевт, и пациент – девочка, едва вступившая в подростковый возраст. Этим непреложным фактическим обстоятельством упомянутое выше равенство не может не нарушаться.

Подобная двойственность в отношениях психотерапевта и юного пациента получает отражение в двойственности фокуса, через который терапевт воспринимает и пациента (в его отношении к проблеме) и самого себя (в отношении к пациенту). Он словно ведет мелодию на двух инструментах сразу: следует нотам своей терапевтической партии, и вместе с тем – не совпадает с нею полностью; и видит в двенадцатилетнем подростке – двенадцатилетнего и в то же время – больше, чем просто сегодняшнего двенадцатилетнего мальчика или девочку, Это как в состояниях сна: символика бессознательного безотносительна к месту и времени, хотя и говорит с каждым на близком ему языке. Она и вне возраста. И даже раскрывая себя на языке возраста, например, в снах подростка или его рисунках, одновременно неизмеримо опережает возрастные возможности детского разума. Истинная символика всегда связана с высшей, духовной реальностью, а дух не имеет возраста. И наверное, не случайно возраст налагает на понимание символики детского

бессознательного, в чем бы оно себя ни проявляло, свои ограничения: постижение смысла символов – задача не интеллектуального или логического, а экзистенциально-онтологического порядка. Терапевт, таким образом, балансирует на грани разных измерений, соединяя в каком-то смысле несоединимое – реальное и нереальное, конкретное и абстрактное, конечное и бесконечное начала.

В этом смысле героиня нашей истории – Настя – щедро раскрывается как раз в такого рода неординарности своей натуры: в кризисные моменты жизни она получает поддержку со стороны своего бессознательного в ярких и содержательно глубоких символических формах. «Начни с любви (и прощения) к меньшим братьям нашим – животным и тогда, возможно, ты научишься любить (и прощать) своих ближних» – такова духовная весть, которая была донесена до сознания девочки через ее сны вневременной и вневозрастной «частью» ее личности, и была «прочитана», прочувствована ею.

Но далее мы вплотную сталкиваемся с той особенностью в работе терапевта с детьми, где он, выступая в своей «фасилитаторской» функции, одновременно вынужден применяться к возрастным и «опытным» возможностям пациента, соразмеряя темпы его психотерапевтического продвижения с относительно неторопливыми ритмами жизни и ставя перед его душой достижимые цели. Всю глубину того знания, которое содержится в снах, ребенку вернуть невозможно. «Дверь» к загадкам сна остается открытой, «ключи» к ним подержать дают, но против воли в открывающееся за порогом этой двери пространство никто и никого не заталкивает. Установка – на постепенное постижение самим пациентом некоего необходимого знания, в потенции которого имеется и материальный слой, и душевный, и духовный. Личностное развитие пациента должно совершить свой собственный круг. У героини этой терапевтической истории, например, закончилось детство, она преодолела страх, в ее жизнь вошли сны и символы не как нечто потустороннее, а как средство самопознания и откровения. Осваивая пережитый опыт, она стала писать рассказы. Но, что интересно, – пережитое осваивается рассказчицей в согласии с сущностными возрастными характеристиками проживаемой ею подростковой, хотя временами она и совершает над ними немислимые выражения.

* * *

Прочитала статью и не без сарказма по своему поводу отметила, что автор весьма напоминает средневекового алхимика, который пренебрегает разницей между своим объективным трудом – над химическим изменением материального вещества и субъективным – работой над собой. Но таков, должно быть, неизбежный эффект юнгианского влияния и самого феномена синхронии, если к лежащему в его основе совпадению двух событий – внутреннего и внешнего – отнестись не как к случайному

происшествию, обреченному на забвение, а как к языку бессознательного, т.е. спросив себя, почему бессознательное включило «канал мира» и к чему оно хотело привлечь наше внимание. Тогда этот нереальный язык не затеряется безгласно в реальных шумах современного мира, а сможет служить психотерапии как духовной практике.

ЛИТЕРАТУРА

- Апокрифы древних христиан. М., «Мысль», 1989.*
- Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. // Самое само. С.299-526. М., Мысль, 1994.*
- Минделл А. Работа со сновидящим телом. Московский психотерапевтический журнал, 1993, № 1, с.113-140.*
- Налимов В.В., Дрогалина Ж.А. Реальность нереального. М., «Мир идей», 1995.*
- Роттенберг В.С. Сновидение как особое состояние сознания. // Бессознательное. Многообразие видения. Новочеркасск, «Агентство Сагуна», 1994.*
- Фрейд З. О сновидении. // Психология бессознательного. М., Просвещение, 1989. С.310-345.*
- Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Киев, «Синто», 1995.*
- Юнг К.Г. О психологии восточных религий и философий. М., «Медиум», 1994.*